

*Сесиль Рейналь.
И памяти ЖРС*

...гибриды, замешанные из глины и духа...

Примо Леви. Фабрикант зеркал

Речь идет уже не о том, чтобы говорить, хозяин.
Речь идет уже о том, чтобы голосить.

Ромен Гари. Тюльпан

УАГАДУГУ, 2016

Вы с Эрве вылетаете из аэропорта Ньюарка 12 января. Пересадка в Брюсселе, и ты покупаешь маленький черный блокнот, Шейна, и вписываешь туда слово БУРКИНА-ФАСО большими буквами. Все записи будут большими буквами, это крики, которые рвутся теперь из тебя.

Прибыв в Уага на следующее утро, вы снимаете номер в «Каване», скромном отеле, уже знакомом Эрве, чуть в стороне от центра города. Распаковав багаж, вы срываете с себя всю одежду, принимаете душ, нежно любите друг друга, снова встаете под душ, одеваетесь в чистое.

Эрве был прав: Африка — жесткий удар. Как только вы выходите пройтись по кварталу, все твои пять чувств переполняются новыми впечатлениями. Суровая сухая жара. Толпы на улицах. Сидящие на корточках мужчи-

ны у магазинов. Женщины с детьми на спинах и невероятными грузами на головах. Мальчишки гоняют на скутерах, которые трещат, выпуская клубы черного дыма. Дерутся малыши в красной пыли. Ни одной законченной постройки. На тротуарах громоздятся фрукты и овощи, мусор и шины, батареи и старое тряпье. Эрве объясняет тебе, что вездесущая вонь — от европейского пластика, который горит на открытом воздухе по окраинам города двадцать четыре часа в сутки. Гвалт, сумятица, трудно пройти. Но еще — улыбки людей. И музыка: негромкий ритм балафона* и барабана, слабый или исступленный, близкий или далекий, парит в воздухе ежеминутно, доносясь неведомо откуда.

Через день по приезде твое тело не выдерживает: мигрень и диарея, усталость и новые ощущения, ты не можешь встать с постели. Эрве гладит твои волосы, целует тебя в лоб, включает кондиционер, сообщает портье, что его жена проведет несколько часов в номере одна и надо предупредить ее, если вдруг

* Балафон — ударный музыкальный инструмент, идиофон. Популярен во многих странах Африки. Инструмент состоит из 15–22 прямоугольных дощечек, изготовленных из дерева ши или других твердых пород. (Здесь и далее примеч. переводчика.)

восстановится подключение к Интернету, — и уходит на рабочее совещание.

В полдень ты съедаешь чашку риса в ресторане отеля, возвращаешься в номер и снова ложишься.

Когда ты просыпаешься, день идет на убыль, должно быть, уже больше шести часов. Близ тропиков сумерки наступают внезапно. Ты пересекаешь крошечный номер, встаешь у окна и смотришь на улицу внизу. В США, думаешь ты, мало кто способен представить себе такую бедность. Нет, действительно, у каждой семьи нет стиралки и сушилки, телевизора, и холодильника, и посудомойки, и электрической плиты, и морозилки, и микроволновой печи, и машины, и компьютера, и и и и и и и и и и...

Эрве звонит тебе на телефон отеля:

— Тебе лучше, Шейна, любимая?

(Ты просто обожаешь его плохое произношение твоего имени, в его устах оно звучит как *shine*, сверкать, или *shy*, робкий, а не *shame*, стыд.)

— Да, получше.

— Я встретил старых друзей. Мы в кафе «Капучино» в центре города. Ты достаточно хорошо себя чувствуешь, чтобы присоединиться к нам?

— Это стремно.

— Попроси на ресепшене вызвать тебе такси.

Ты размышляешь, принимаешь решение:

— Послушай, я думаю, мне лучше еще отдохнуть сегодня. Развлекайся, я спокойно тебя подожду. Тогда завтра я буду в форме.

— Я люблю тебя, Шейна, — говорит Эрве.

* * *

СВЕТ ВОЗВРАЩАЕТСЯ, ТИХОНЬКО, СЛАБЕНЬКО, ОН ЖЕЛТО-ВОСКОВОГО, МЕРТВЕННОГО ЦВЕТА. СЦЕНА ПРЕВРАЩЕНА В ЛАБИРИНТ С ВЫСОКИМИ СТЕНАМИ ИЗ СЕРОГО ГРАНИТА, ОНИ БЕГУТ НА КОРОТКИЕ РАССТОЯНИЯ, ПОВОРАЧИВАЮТ БЕЗ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И РЕЗКО ОБРЫВАЮТСЯ. ДЕТИ ВСЕХ ВОЗРАСТОВ — МЛАДЕНЦЫ, МАЛОЛЕТКИ, ПОДРОСТКИ — ШАРЯТ ОЩУПЬЮ ВПОТЬМАХ. ОДНИ СТОЯТ, ВЫТЯНУВ ПЕРЕД СОБОЙ РУКИ, ДРУГИЕ ПОЛЗАЮТ НА ЧЕТВЕРЕНЬКАХ. ВСЕ ТО И ДЕЛО УДАРЯЮТСЯ О СТЕНЫ. МЛАДЕНЦЫ НЕ КРИЧАТ, БОЛЬШИЕ НЕ ПЛАЧУТ И НЕ ХНЫЧУТ. В ПОЛНОЙ ТИШИНЕ ОНИ ОЩУПЬЮ ИЩУТ СВОИХ МАТЕРЕЙ. КОГДА ОНИ НАТЫКАЮТСЯ НА СТЕНЫ, ИМ БОЛЬНО, И ПУБЛИКА ЧУВСТВУЕТ БОЛЬ — БАМ НОСОМ, БАЦ ЛБОМ, — НО НИКТО НЕ ПЛАЧЕТ. ПОПЫТКА ОБЛОМ ПОПЫТКА ОБЛОМ СНОВА ПОПЫТКА И СНОВА ОБЛОМ. ОНИ (...)

БРОНКС, 1945

В этой комнате, где погашены все лампы, в комнате, в сердце квартала Морриса Хейтса на западе Бронкса, стоит кровать, на кровати подушка, а на подушке хорошенькая головка с темными кудряшками, головка пятилетнего мальчика. Он спал, Джоэль, он мирно спал, и чей-то стон вырвал его из сна.

Он садится в постели, испуганный, не зная толком, где он, и тотчас замирает, потому что стон раздается снова. И снова. И снова. Это так страшно. Стонет его мать, Дженка. Жуткий звук вырывается из ее горла горькими потоками, нескончаемыми, как рвота. За ним Джоэль слышит и голос отца. Павел то умоляет Дженку успокоиться, то его собственный басовитый рык перекрывает душераздирающие стоны жены.

Джоэль чувствует, как трепещет в груди сердце, как ускоряется его биение. *Что не так? Что не так?*